

Марек и Тыльза

Северин Подольский

Главный герой романа «Марек и Тыльза» Марек Хапалюк пытается предупредить человечество о том, что их попытки найти пришельцев и наладить с ними связь могут обернуться настоящей трагедией. Ведь он не понаслышке знает, кто они такие на самом деле, и знает также, что настоящие хозяева Земли уже на подлете и в любой момент могут заявить свои права — и тогда все человечество окажется в шаге от опасной черты.

Марек решает дать им отпор и даже вступает в контакт с их разведчиками, но сможет ли он предотвратить трагедию и спасти Землю?

«Марек и Тыльза» — новый остросюжетный роман талантливого писателя-фантаста Северина Подольского, который займет достойное место в библиотеке любого почитателя жанра фантастики.

Северин Подольский Марек и Тыльза

Предисловие

Первого января, сразу после Нового года ко мне заехал Иван Иванович. Он как всегда был весь в делах и, не снимая пальто, прямо с порога предложил написать героический эпос о нелегкой доле филателистов.

— Эпос про филателистов? — на часах было восемь утра, и я очевидно еще не проснулся.

«И откуда же ты взялся на мою голову?» — я на всякий случай посмотрел на настенный календарь, висящий в прихожей. Все правильно: на нем стояла отметка — первое января 2014 года. Ошибки быть не могло, я прекрасно помнил, как примерно в четыре часа утра я поменял календарь, вернувшись с улицы, где присоединившись к соседям, выпустил в ночное небо свою единственную петарду, которую вчера мне всучили вместо сдачи на Комаровском рынке.

— Что тебя так удивляет? Про Зеленого Змия ты же написал, а чем, по-твоему, хуже филателисты? — он забавно переминался с ноги на ногу, стоя на моем пороге, так как я не торопился приглашать его на кухню, где мы обычно

обсуждали наши творческие планы.

— Может быть, мне лучше взяться за антикваров? — в шутку поинтересовался я, предполагая, что их хлеб имеет более криминальный оттенок, а значит, вокруг них витает привкус реальной опасности. А где есть опасность, там всегда найдется место, где могут разгуляться настоящие герои.

— Нет, антикваров не заказывали. И зря ты иронизируешь Подольский, у меня полным-полно весьма неплохих зарисовок о военных, тружениках полей, сталеварах. Ты не поверишь, есть даже аквалангисты и милиция, я не говорю уже о ворах в законе — Иван Иванович открыл и листал свой пухлый блокнот.

— У меня есть выбор? — мне хотелось спать, а заданная тема не будила внутри моей души ни одной струны, и поэтому, была обречена на старте.

— Нет..., разве что, можешь чиркнуть об исследователях аномальных зон — Иван Иванович нашел совершенно свежую пометку на самой последней странице блокнота, и посмотрел на меня своими масляными глазками.

— Пожалуй, я лучше попробую воспеть этих аномальных исследователей! — азарта я не испытал, но из двух зол нужно было выбрать наименьшее.

— Тогда за дело, Северин! — обрадовался

Иван Иванович, и без приглашения, бесцеремонно оттолкнув меня, перешагнул порог моей квартиры...

Буквально через месяц, когда я случайно познакомился с человеком по имени, Марк Арчибальдович Хапалюк, мне стало совершенно очевидно, что с выбором темы я тогда погорячился.

«Не от мира сего!» — это самая главная характеристика, которая подходила к большинству моих новых знакомых из этой тусовки.

Обычно, употребляя выражение «не от мира сего», собеседник механически идет далее, оставляя разъяснения за кадром. Я же не мог пройти мимо и стал осторожно нащупывать те невидимые нити, которые соединяли это неугомонное племя с загадочным и с «ненашенским» миром.

Кроме того хочу отметить, что: «Пришельцы, инопланетяне...» — как пишут многие авторы, ставя эти две категории в один ряд, совершенно различные сущности.

«Инопланетян» никто никогда не видел и вряд ли когда-нибудь увидит. Ибо живут они на «иных» планетах, а на нашей Земле, они жить в принципе не могут. Для этого надо четко понимать разницу между словами «другие» и «иные».

Это принципиально!

А вот пришельцев видели многие, а если принять во внимание версию о том, что пришельцы

мы сами и есть, то тогда получается, что их видят абсолютно все. Причем, много раз на день и практически в неограниченном количестве.

Гораздо интереснее другой вопрос: куда же подевались настоящие хозяева нашей планеты? Почему они ушли и когда вернуться? И самое главное: как они поступят с нами? Вот где надо копать. Ведь ответы на эти вопросы гораздо актуальнее для нас, чем поиски чужих богов или «инопланетян».

Если верить злобным американским блокбастерам на эту тему, то шансов у нас практически нет.

А если же согласиться с Хапалюком и предположить, что древние Земляне являются гуманоидами-гуманистами, уже давно вернувшимися и хладнокровно наблюдающими за нашими потугами выбраться из замороженного состояния, находясь на небольшом удалении, то шанс может и появиться.

Также хочу заметить, что разномастные исследователи аномальных зон (в своем большинстве) — засланные казачки, работающие не на нас.

* * *

Миновал примерно месяц после нашей

договоренности написать эпос, когда я зашел в церковь на пересечении улиц Севастопольской и Кнорина. Храм был совершенно новым и сверкал свежей позолотой купола, а вот его внутреннее пространство уже успело пропитаться особой атмосферой.

К исповеди я не готовился, более того, к этому моменту я успел обрасти таким толстым слоем ереси, что старался не смотреть на лики святых. Я зашел сюда просто так, постоять и отдышаться.

Поставив свечку Николаю чудотворцу и прочитав три раза «Отче наш», я уже собирался уходить, когда мое внимание привлек молодой человек с огромным пучком самых толстых свечек, какие только можно было отыскать в церковной лавке.

Молодой человек, очевидно, был в храме первый раз. Он затравленно озирался, изучая новую для себя обстановку. Наконец, найдя место, куда можно пристроить свои жертвы, он начал лихорадочно их зажигать и устанавливать в подсвечники. Дело долго не спорилось, а руки его дрожали.

«Ну вот, кажись, и все!» — вместо молитвы он с облегчением выдохнул эти странные слова. Избавившись от последней свечки, он остановил на мне пристальный взгляд.

Я не осуждал его и уж тем более, не

восхищался. «Наверное, что-то произошло в его жизни, приспичило, так иногда бывает!» — с этими мыслями я покидал храм.

«Подождите! Можно мне с Вами поговорить?» — окликнул меня этот субъект уже на троллейбусной остановке.

— Вы уверены, что хотите говорить именно со мной? — я оглянулся на церковь.

— Вы там были, и, наверное, это неслучайно? — парень также оглянулся.

Я пожал плечами, мне нечего было сказать.

— Кроме того я вас знаю, читал Ваши эпосы в Интернете — он во второй раз пристально посмотрел на меня.

— Весьма польщен — отреагировал я в духе стародавних времен.

— Меня зовут Марек Хапалюк — молодой человек протянул мне руку.

— А это мои сыновья: Миша и Саша — кивнул в сторону своего припаркованного возле церкви автомобиля, Марек.

«Высокие малыши» — отметил я, теряясь в догадках об их истинном возрасте.

— Может быть, прогуляемся по скверу? У меня есть, что Вам рассказать, господин Подольский! — молодой человек почему-то смотрел на меня умоляюще.

— А у меня есть один час. Уложимся? — в

принципе у меня было время, и эта семейка меня чем-то заинтриговала.

— Постараюсь! — обрадовался Марек и позвал своих пацанов, которые весело потрусили перед нами по извилистой тропинке Севастопольского сквера...

Я не поверил ни единому его слову. Тем более, что я был коренным минчанином и никак не мог пропустить тех удивительных событий из жизни нашего города, о которых на полном серьезе повествовал Хапалюк.

С другой стороны, Марк Арчибальдович на сумасшедшего не походил. Скорее всего, речь шла о совершенно другом Минске и совсем другой Земле. И я бы забыл об этой встрече, но на мне висел заказ об исследователях аномальных зон, а рассказ Марека подходил на двести процентов.

— Напишите, пожалуйста, эпос, Северин Альгердович! И примите эту информацию как подарок! — просиял Хапалюк.

«Я-то приму, а вот примет ли Иван Иванович? Вот в чем вопрос!» — про себя подумал я и попрощался...

Часть 1. Возвращение вирихирдов

Глава 1. Маленький звездочет

«Почему почти новый вокзал насквозь пропитан старыми запахами?» — нос Марека Хапалюка явно улавливал древний и специфический аромат деревянных и пропитанных креозотом шпал, которые давным-давно были заменены тут на бетонные. Этот запах ему абсолютно не мешал, а просто удивлял и даже манил в дорогу.

«Неплохо было бы запрыгнуть сейчас в этот поезд и надолго покинуть город-герой Минск. А еще лучше, навсегда!» — Марек прикурил очередную сигарету и, не обращая никакого внимания на белую табличку с маршрутом состава, любовался сизым дымком от растопленной вагонной печки.

«Пассажирам вскоре предложат чай в граненых стаканах и в мельхиоровых подстаканниках» — он с завистью наблюдал, как в синий свежевывытый вагончик номер восемь, не спеша загружались пассажиры. А счастливыми эти люди были только потому, что пребывали в неведении, и не знали того, что знал он, Марек Хапалюк, внезапно поседевший двадцатипятилетний минчанин, сумевший прожить несколько бурных жизней за одну свою, причем, далеко неполную.

— Молодой человек, Вы едете или кого-нибудь провожаете? — повернулась к нему

рыженькая проводница, когда он остался один на перроне. Марек посмотрел на поезд, и внезапно почувствовал ту силу, которая спустя минуту, сдвинет с места эту махину и под стук колес заставит покорять пространство.

— Ты не поверишь, красивая! Я тут медитировал — Хапалюк улыбнулся и быстро зашагал прочь. Поезд плавно и почти бесшумно начал свое движение. Мимо него проплыла в дверном проеме рыжеволосая красавица, и Марек подмигнул ей, получив в ответ улыбку, от которой у него в другое время непременно поднялось бы настроение.

«Нельзя мне бежать, надо донести свой непутевый крест до конца» — только сейчас он отметил, что это был «Белый аист», шедший до Киева. Бросив окурок прямо на рельсы, Марек достал из кармана бумажник. Это движение не укрылось от вокзального бомжа, который вырос на его пути словно из-под земли. Не дав ему и рта раскрыть, Хапалюк подарил этому существу все свои деньги, и легкой походкой направился к подземному переходу. Пройдя несколько шагов, он обернулся: «Уважаемый! Подари-ка ты мне один жетон на метро».

— Пожалуйста! — бегло пошарив в подаренном бумажнике, великодушный бомж выудил оттуда один жетон и шустро потрусил в

обратную сторону, пока бывший хозяин денег не передумал.

Домой ехать не хотелось категорически, и Марек решил покататься. Что он и делал в течение ближайшего часа, меняя поезда на двух линиях минского метрополитена.

«Все-таки надо было прыгать в киевский поезд» — езда в подземке желаемого результата не дала, тяжелые мысли по-прежнему давили на психику. Выйдя у парка Челюскинцев, Марек все же прошелся по шпалам, но уже по шпалам детской железной дороги. Спрыгнув с полотна и облюбовав безлюдное место, он прилег на траву и, созерцая ясное синее небо, стал приводить свои мысли в порядок. Сначала у него ничего не получалось, но через полчаса он уже витал в пограничном состоянии между сном и явью, подложив под голову свернутую летнюю курточку. Полузакрытые веки расслабились:

«Слава богу, солнце ушло за тучу» — прошелестела в утомленном сознании сладкая и затухающая мысль, все более определенно подталкивая тело в сторону сна.

Однако провалиться в сон ему не довелось, так как окружающее пространство вдруг стало наполняться подозрительными звуками.

«Лоси! Неужели у нас в городской черте водятся звери?» — насторожился Марек, уловив за

пнем невнятное бормотание и треск поломанных сучьев.

Эти звуки его не испугали, он сейчас даже припомнил историю, рассказанную в далеком детстве отцом, когда в один из Минских гастрономов некогда забрел одинокий старый лось. В дальнейшем магазин не раз менял своих хозяев и название, но в памяти народной он навек остался «Лосиным».

На полянку вышли трое: сухонький старичок в спортивном костюме и с огромным рюкзаком за плечами, пожилая женщина в полном камуфляже и очкарик неопределенного возраста с блуждающей улыбкой на лице. Женщина сосредоточено взирала на свою руку, в которой застыла биорамка. У старичка в правой руке был портативный вольтметр. Один полюс этого прибора витым проводом был подсоединен к мочке его левого уха, а второй, к лыжной палке, с помощью которой, этот немолодой исследователь со стажем, прощупывал почву на своем пути. Третий участник на их фоне выглядел сущим бездельником.

Вдруг старичок насторожился и, воткнув палку прямо перед собой, заволновался, пристально разглядывая дернувшуюся было стрелку прибора. Рамка в руке женщины тотчас начала бешеное вращение, а у очкарика от возбуждения затряслись колени.

«Контактеры!» — с опозданием догадался Марек, разглядывая теплую компанию.

«Серьезные ребята!» — Хапалюк с удивлением наблюдал, как старичок деловито достал из своего рюкзака древнюю рогатую комнатную телевизионную антенну и, оторвав штекер, ловко оголил оба провода.

Один из концов он надежно прилепил пластырем к запястью очкарика, а второй проводок, не менее тщательно, старичок зацепил металлической прищепкой к мочке своего правого уха. Женщина стала между ними. Свою рамку она либо потеряла, либо она уже вращалась так быстро, что Марек не мог различить блестящий контур на фоне ее емкой фигуры.

«Идиоты! Вы бы еще сигналы в космос послали!» — выругался про себя Марек. А Марек Хапалюк знал, что говорил, так как последние дни он только и думал о том, куда бы спрятаться от тех, с которыми эти сумасшедшие пытались наладить контакт. А знания он получил почти пятнадцать лет назад, когда и началась эта история...

* * *

— Марек, что ты хочешь получить от Деда Мороза в этом году? — отец снял очки и отложил вечернюю газету, с которой не расставался на

протяжении всего ужина, игнорируя едкие замечания насчет чтения за едой от своей супруги.

— Телескоп! — без тени сомнений ответил Марек.

— Ты слышал папа? Те-ле-скоп! — его старшая сестра Анна поддержала брата, помня, что в прошлом году тот также просил телескоп, а получил в подарок детский бинокль из пластмассы.

— Дед Мороз нас услышит! — вмешалась мама, зная, что их маленький Марек, помешанный на астрономии, за последний год так продвинулся в этой науке, что мог заткнуть за пояс не только лучших учеников старших классов, но и экскурсовода планетария. Что их славный малыш и проделал на прошлой неделе.

— А ведь еще совсем недавно наш мальчик играл с игрушками — выпив на ночь две чашки кофе, мама долго не могла уснуть, разговаривая сама с собой.

— Я помню, как он, раскрыв рот, слушал рассказы о твоём дедушке-герое, Тарасе Николаевиче Головке, легендарном комиссаре партизанского отряда. А теперь, у него одни черные дыры на уме — проворчал отец, поворачиваясь на другой бок.

Семья Марека жила в Курасовщине, в собственном доме на Черниговской улице. Приближался Новый год и одновременно, День

рождения Марека.

Как обычно, вместе с этими светлыми праздниками, Марек буквально из ниоткуда, поймал легкую простуду. Теплый шарф из мягкой исландской шерсти согревал его горло, но более всего его согревала картина, которую он созерцал из своего окна. Взгляд маленького Марека был прикован к большой коробке, которую отец выгружал из машины. Это мог быть только подарок, и он знал, какой это замечательный подарок. Ведь вчера днем, Марек случайно поднял телефонную трубку и прослушал сообщение. Очень приятный женский голосок поставил его в известность, что заказанная модель телескопа поступила на склад и у него пытались уточнить насчет доставки. Дав рабочий телефон отца, он потерял покой.

«Мечты сбываются!» — Марек окинул небосвод, который уже сегодняшним вечером будет, подвергнут самому тщательному исследованию. И ему было совершенно безразлично, что есть на Земле мощные обсерватории, а в ближнем пространстве парили некие «Хаблы». Он твердо знал, что в огромном космосе найдется место и для его пытливого ума.

«Ты совершенно прав, мой юный друг! Свой ум ты в меня уже запустил, осталось только пошарить в моих просторах отменным оптическим

инструментом» — в его сегодняшнем сне именно так пошутила невероятно красивая золотоволосая девочка, представившись Вселенной.

«Я обязательно пошарю! Даю честное слово!» — с этими словами просыпался маленький Марек Хапалюк, которому сегодняшним утром исполнилось ровно одиннадцать лет, и у которого после встречи во сне с девочкой-Вселенной, чесались не только руки, но и глаза.

Глава 2. Недетская игра

Как всегда, их относительно небольшой дом был наполнен гостями. Пришли родственники, коллеги по работе родителей, а после встречи Нового года начнутся хождения по соседям и обратно. Родители были людьми веселыми и общительными, Марек на своем коротком веку не мог припомнить тихих семейных посиделок.

— Ну, Галилей, получай свой подарок! — родители сняли с телескопа велюровый чехол и Марек буквально обомлел от счастья.

— Вот это подарок! — всплеснула руками тетя Валя, соседка из дома напротив.

— Везет же некоторым! — притворно изобразила зависть старшая сестра Анна.

— Ну, иди уже к себе наверх! — разрешила мама, отметив нетерпение Марека, зная, что их сын

слишком хорошо воспитан, чтобы самовольно покинуть застолье. К праздникам в их семье традиционно относились уважительно.

— Смотри, не разбей игрушку! — рассмеялся отец, наблюдая, как сын на подогнутых от волнения ногах, тащит свой телескоп на второй этаж.

Собравшиеся гости мило улыбались, и никто из них не возражал, чтобы Марек вдруг покинул веселье и уединился со своим подарком у себя в комнате.

— Он долго этого ждал! — виновато улыбнулась им мама, понимая, что с уходом маленького именинника слегка сбивается запланированная цепь праздничных тостов.

«Ничего, сделают акцент на Новый год!» — Марек в другой раз и сам с удовольствием посидел бы с гостями, среди которых были самые близкие родственники и друзья его родителей.

Внизу слышались волшебные звуки арфы, которую, как обычно, принесла с собой Ольга Петровна, коллега с маминой работы. Вскоре к этим звукам подключилась губная гармошка большого друга их семьи, Андрея Дмитриевича и праздник пошел по накатанной дорожке. Марек уважал своих родителей за их страсть к настоящему, живому звуку. Папа с мамой самым решительным образом отвергали даже «минусовые» фонограммы караоке и пели всегда

живьем, под живой же аккомпанемент.

Вскоре песни стали плавно переходить в пляски. Малиновые переборы струн арфы, стали жестче, губная гармошка дяди Андрея вела тему и вгрызалась в такт, который всегда задавал его отец, притоптывая специальными туфлями для танцев, подкованными металлическими набойками.

«Ну, вот и прекрасно!» — сценарий был предсказуем, и Марек перестал чувствовать себя виноватым, покинув этот праздник жизни.

Установив на штатив телескоп, он решил засунуть чехол в картонную коробку, которая стояла под столом. Но коробка оказалась не пустой.

Он узнал его. Это был очень старый компьютер, который в незапамятные времена за бесценок купил его отец и который ни разу на памяти Марека не включался в сеть.

«На запчасти» — сказал тогда папа, так и не прикоснувшись к этой рухляди.

«Ископаемое! Ни тебе модема, ни сетевой платы! Ничего, поработает у меня калькулятором!» — улыбнулся юный гений, собрав это железо в своей лаборатории. Именно так он гордо называл часть мансардного этажа, где были расклеены карты звездного неба северного полушария, вывешены макеты всех планет солнечной системы и почти повсюду стояли модели ракет, звездолетов и летающих тарелок.

Удивительно, но жесткий диск хрюкнул и загрузил какую-то очень древнюю операционную систему, о которой Марек Хапалюк ничего не знал даже понаслышке, несмотря на то, что мальчиком он рос весьма любознательным и даже составлял нехитрые программки на нескольких языках.

Более двух часов он подбирал пароль и был вознагражден сполна, когда синтезированный голос произнес забавные слова: «Я рад приветствовать тебя, Дрендела!»

— Вы ошиблись! Я не Дрендела, я Марек Хапалюк — скромно возразил компьютеру мальчик.

— Ты это брось! Можешь так шутить со своими родителями, Дрендела — не сдавался искусственный интеллект, нагло хохоча с металлической хрипотцой.

Марек решил не спорить. Что взять со старого компьютера, в котором, и игрушек-то, приличных, скорее всего, и не было.

«Поиграем?» — словно прочитала его мысли груда старого металлолома.

— А у тебя есть во что? — снисходительно набрал ответ Марек, нажав клавишу «Ввод».

— А у меня вот что... — прошелестел компьютер и затих. Марек хотел, уже было выключить старинный агрегат, но у него вдруг внезапно закружилась голова. Пространство

мансардного этажа их небольшого дома дрогнуло и стало медленно искажаться, что было странно само по себе, но хуже всего было то, что оно стало постепенно сжиматься, причиняя поначалу дискомфорт. А затем Марека охватила паника, граничащая с ужасом.

«Клаустрофобия» — он определенно где-то ранее слышал это странное слово. Но теперь эта мерзость терзала его еще не искушенный различными фобиями молодой организм. На миг ему показалось, что атомы его тела сжались в одну бесконечно малую точку и нырнули за закрытый занавес.

Марек попытался было вернуться в комнату, но ничего у него не вышло, теперь он находился в тесном зеленом коконе света. Словно невидимый огромный зеленый паук паковал его маленькое тельце. Марек против воли постепенно срастался с ним, ощущая бесчисленное число сверхтонких нитей, которые, как щупальца тянулись к узловым точкам его мозга. Он раньше и предположить не мог, что в голове находится так много этих узловых точек.

Острые приступы клаустрофобии постепенно стали затухать, приоткрывая Мареку двери в иной мир. И этот мир был фантастически пуст и непроницаем.

«Ничего себе! А где же тут пространство? —

теперь у Марека внезапно стало меркнуть зрение и обостряться новое, совершенно незнакомое чувство, очевидно, более подходящее для восприятия этого мира. И это было удивительно! Это новое чувство и подсказало ему, что куда-то пропало его тело, что впрочем не вызвало у него ни паники, ни сожаления. И это было еще более удивительно!

Марек еще долго не мог понять, как он тут перемещается: ходит, плавает, или летает. Но эффект от своего движения он ощущал вполне адекватно, даже не взирая на полное отсутствие пространства. Впрочем, подсознание постоянно пыталось строить его иллюзию, и только эта титаническая работа спасала разум Марека от его полного разрушения.

Не успев толком поразмыслить над этим парадоксом, Марек застыл, если можно так выразиться, на месте. Прямо по курсу объявились три светящихся сгустка энергии, которые излучали волны всех цветов радуги. Они осторожно окружили Марека, и он мог поклясться, что сгустки были разумны и не удивлены этой встречей, ему даже на миг показалось, что они его тут давно поджидали. А еще Мареку почудилось, что от одного из сгустков к нему протянулись сверхтонкие щупальца, которые бесцеремонно обвили его голову, затем переместились в область сердца, а

чуть позже, проникли в печень. Подсознание построило очередную иллюзию пространства, и Марек сумел оценить размеры этих тел, которые были никак не меньше футбольного мяча, хотя очертания их были смазаны и постоянно вибрировали.

Между тремя сгустками шел интенсивный информационный обмен, который Марек мог наблюдать в виде искристых молний, которые тянулись от одного создания к другому. Если бы Марек был сейчас в своем теле, то его подсознание констатировало бы отсутствие враждебной атмосферы в этом удивительном месте. Он попытался было оглянуться, но эта нелепая имитация телодвижения ничего ему не дала, кругом пульсировала зеленоватым цветом сплошная пустота.

«Они приняли какое-то важное решение!» — озарение пришло к Мареку извне. Последовавшая за этим пауза была не долгой, вскоре сгустки стали вытягиваться и пытаться принять форму человеческого тела, что у них сначала получалось, но на самой последней фазе трансформации что-то застопорилось.

«Почему мне не страшно?» — очередная мысль удивила его, так как картинка трех привидений на фоне абсолютной пустоты при любых иных условиях, могла бы свести с ума даже

взрослого человека.

«Вот это да! У нас, кажется, гость!» — Марек не сразу понял, что эти полупрозрачные манекены говорят именно о нем. По мере уплотнения трех гротескных фигур и наполнения их вполне узнаваемыми человеческими чертами, он заметил, что тонкие щупальца постепенно ослабили хватку, а затем и вовсе, отпали.

«Это же кокон!» — осенило его.

«Это Кокон Времени, Дрендела! Неужели ты забыл?» — некто внес в его последнюю мысль более конкретную поправку.

«Опять Дрендела!» — это слово почему-то стало беспокоить Марека больше, чем все увиденное в этом странном мире.

Глава 3. Пятихроны

— Что-то идет не так? — спросил пятихрон Анаэроб, боясь потерять контроль над охраняемой им энергией.

— Почему-то время уплотняется не у меня, а в секторе Филата! — воскликнул пятихрон Кёрн, напарник Анаэроба, встревоженный молчанием своих сенсоров.

Анаэроб уже и сам отметил колебание энергии, что само по себе было очень необычно и походило на сказки, которые ему рассказывала

бабушка, в которые взрослый пятихрон давно уже не верил.

— Пойдем-ка, проверим, что там творится у нашего друга Филата — предложил Кёрн, который свою бабушку не помнил, но эту сказку знал от воспитательницы приюта, так как этот пятихрон вырос в питомнике, как сирота.

— А кто будет сторожить время? — Анаэроб не мог оторвать свои щупальца от охраняемого им добра.

— Да брось ты, ничего с ним не случится! Интересно посмотреть, там явно что-то необычное — Кёрн не был таким педантом, каким был его напарник.

— Не что, а кто! — уточнил Филат, который слышал переговоры товарищей из соседней ячейки, оставивших свой пост и с тревогой всматривавшихся в энергетическую структуру нарушителя пограничной зоны.

— Но это, же вирихирд! — ужаснулся Анаэроб, когда начала спадать пелена с его сознания.

— Мелковат он для повелителя миров, и к тому же, он отозвался на имя Дрендела — задумчиво произнес Филат, сравнивая концентрацию энергетических потоков вирихирдов с той картинкой, которую излучал Марек Хапалюк.

— Наплевать! Если это и не вирихирд, то

Хранители все равно должны быть вирихирдоподобными существами — Керн не видел причин для волнений.

— Ты совершенно прав, друг Керн. Если этот вирихирд отреагировал на позывной, то нам не о чем беспокоиться.

— Запускай сканер, Анаэроб — Филат тонко прочувствовал момент, когда им срочно надо было принимать решение, так как гость застыл в нерешительности, которую они втроем очень тонко прочувствовали.

— Все в порядке Филат, это код Дренделы — расшифровал никому невидимые нити ауры визитера Анаэроб.

— Так что, закосим под этого маленького вирихирда? — Кёрн также был озадачен необычным визитером.

«Неправильный вирихирд какой-то!» — пятихрон Анаэроб ждал команды от Филата, который по общему согласию был у них за главного.

— А что, у нас есть другие варианты? — спросил своих товарищей Филат и начал перевоплощение.

* * *

— Здравствуй, Дрендела! — Анаэроб

разглядывал прибывшего к ним мелкого вирихирда, отметив размытое сияние его образа.

— Я не Дрендела, я Марек Хапалюк — уже второй раз за сегодняшний день он услышал этот странное имя.

— Чем обязаны, Дрендела? — Кёрн, как будто не заметил замечания.

— Я не Дрендела — повторил Марек и с удивлением отметил, что манекены успели уплотниться и выглядели уже почти как люди.

— А кто ты? — угрюмо спросил Анаэроб, так как Дрендела был первым из пятихронов, сумевшим покинуть Кокон Времени. И был пятихроном-легендой, с которым было за честь пообщаться любому представителю их сообщества.

— Я человек! И живу я на Земле! — гордо заявил Хапалюк, догадавшись, что попал на другую планету.

— Кто-кто? — пятихроны переглянулись между собой и разом посмотрели на мелкого визитера как на идиота.

— Ну, ты даешь, Дрендела! Вот она Земля! — расхохотался Кёрн, и подсознание Марека опять построило иллюзию, в которой пятихрон как будто обвел рукой свою келью, и Марек успел отметить, что она бесконечно мала, и то, что в этой келье находятся четыре фигуры — самый настоящий оптический обман, фокус.

«Значит, он все-таки вирихирд!» — подумал Филат, но его мысль тут, же подхватили и его друзья.

— Ошибаетесь, уважаемые! Земля — это прекрасный и огромный мир, расположенный за этой стенкой — Марек как будто похлопал рукой по несуществующей зеленой оболочке.

— Ересь! Там ничего нет! — отрезал Филат.

— Наша Земля включает в себя целых восемь витков Вечного Кокона — пятихрон Кёрн с интересом разглядывал маленького вирихирда, не веря, что среди хозяев Земли, могут попадаться такие глупцы.

— Целых восемь? — Марек решил было съязвить, но понял, что разговор не клеится по причине непроходимой тупости местных обитателей.

К его удивлению его собеседники все поняли и насупились так естественно, что у Марека тут же обострился затухший было приступ клаустрофобии.

— Правда, ребята, за вашим бортом, полным-полно самой настоящей жизни! — Марек с тоской посмотрел на то место, где по идее должна была бы быть оболочка этого кокона.

— Если хотите, можете называть меня Дрендела, но я никакой не вирихирд! Я — человек с планеты Земля. И это звучит гордо! А вы кто такие? — добавил он спустя некоторое время, так

как компания сидела в полном молчании и давила обиду на его мысли, которые они, очевидно, прочитали или почувствовали.

Некоторое время в Коконе Времени хранилось молчание.

— Он нас не обманывает! — оживился Кёрн.

— Мы пятихроны, хранители Земли. Меня зовут Кёрн, а это Анаэроб и Филат — сидевший ближе всех к нему пятихрон представил своих товарищей.

«Хранители! Вон оно как!» — поежился от страха Марек.

— Расскажи нам любезный друг Дрендела, что, по-твоему, нас окружает? — спросил тот, которого звали Филат.

И Марек рассказал им всю правду. В рамках его школьных знаний об окружающем мире, разумеется. Но и этого было вполне достаточно, чтобы ввергнуть эту компанию Хранителей в глубокую депрессию. Пятихроны застыли, словно изваяния и перестали откликаться на вопросы человека.

— Мне здесь тесно! Я, пожалуй, пойду? — у Марека, по мере молчания хозяев, стало расти чувство тревоги.

— Конечно! Иди домой! — Анаэроб сделал телодвижение, а подсознание нарисовало призрачный портал из кельи.

«Точно, там ничего нет!» — Марек, как ни старался, не смог выйти за пределы кокона, и новый приступ клаустрофобии сжал его существо.

«А это еще что такое? — Марек не мог оторвать взгляда от маленького хрустального шарика, вибрирующего над верхней границей портала.

«Это же мой пропуск домой!» — внезапно к нему пришло понимание той элементарной формулы, которая была сокрыта в этом невзрачном артефакте. И совершенно неожиданно его рука сделала еле заметное движение, забирая парящий на уровне глаз, маленький полупрозрачный шарик.

«Ты все сделал правильно, Хапалюк!» — раздался внутри чей-то ясный и наглый голос.

«Ты кто?» — он опешил, но ответа не услышал, так как его уже понесло за пределы Кокона Времени.

«Агорафобия!» — поежился от нового и также весьма неприятного чувства Марек, которое теперь досаждало ему не менее того, что сжимало его существо по «дороге» сюда.

* * *

— Дрендела пришел оттуда! — Кёрну надоело подтрунивание своего товарища, и он попытался сфокусировать свой взгляд в бесконечность, тщетно

пытаясь разглядеть там таинственное пространство.

— Бред! Это все гранью реальности! А может быть, после визита этого загадочного гостя у тебя просто пропала часть охраняемой тобой энергии? — осенило вдруг Анаэроба.

— Не вопрос, пойдем, проверим! — Кёрн не возражал, так как и сам был в некотором смятении после этого странного и таинственного вирихирда.

Пятихроны сделали вид, что дружно обернулись и проверили содержимое ячеек энергетического сейфа хозяина. Хранители были озадачены, все сошлось тютелька в тютельку, и версия о воровстве была отринута.

«Да и кому придет в голову воровать время!» — Кёрн еще раз проверил состояние поплавковых индикаторов. Все они, как один, отражали абсолютно реальную картину наличия желеобразной массы энергетических сгустков.

— Дрендела говорил, что место, откуда он к нам пришел, называется пространством? — Анаэроб уже притих и пытался соображать.

— Именно! Он утверждал, что за оболочкой Кокона, находится прекрасный и большой мир — Кёрн, еще не расставшись с человеческим телом, забрался в свой гамак.

— И этот мир вне времени? — шепотом спросил Филат, не уловив в слове «пространство» абсолютно никакого смысла.

— Если верить Дренделе, то пространство существует само по себе, но с нашим временем оно каким-то образом все-таки связано — Кёрн сделал большой глоток из стеклянной колбы, где синим туманом аппетитно растекалась сурия, излюбленный напиток пятихронов.

— А ты уверен, что он у тебя ничего не взял? — Анаэроб еще раз внимательно осмотрел келью своего друга.

— Абсолютно! — заявил Кёрн, взгляд которого застыл на том месте, где должна была бы висеть Инструкция по технике безопасности.

— А говоришь, ничего! — засмеялся Филат, перехватив взгляд Кёрна.

— И на кой ляд, она ему понадобилась? — Анаэроб незаметно отобрал колбу с сурьей у застывшего хозяина кельи.

— Действительно! Ничего интересного, кроме формулы безопасного перемещения во времени там нет — пожал плечами Кёрн...

А на полу мансарды своего дома просыпался заигравшийся в странные игры Марек.

«Ничего себе, поиграл!» — Марек нечаянно наступил ногой на кончик своей длинной седой бороды. В мутном зеркале отражался столетний старичок.

«Не надо, Марек! Спокойно!» — остановил его внутренний голос, когда он чуть было, не

выглянул посмотреть на местность в мансардное окошко. Постепенно стресс отступал.

«Вспомнил!» — озарили сознание Марека две короткие строчки формулы пятихронов и он, вмиг помолодев, спустился в гостиную, где его родители вместе с гостями, отложив музыкальные инструменты, готовились смотреть совершенно не интересный с его точки зрения, концерт.

«Ложись спать, Марек» — мама погладила сынишку по головке.

«Спасибо, я уже поспал» — чуть было не ляпнул Марек и, увернувшись от щипка сестры, ужом проскользнул в спальню.

Прошло несколько дней, и он полностью вернулся к своей привычной жизни, начисто забыв ту игру, которую навязал ему старый компьютер. И даже красивый полупрозрачный шарик с еле заметными плавающими символами внутри его, который он спрятал в ящик своего стола, ни о чем ему не напоминал.

Глава 4. Комета Хапалюка

Прошло десять лет. Марек Хапалюк без устали сканировал ночное небо и, хотя его телескоп был не профессиональным инструментом, он открывал все новые и новые детали, отсутствующие в самых современных атласах звездного неба.

Данный феномен его отец объяснял необычными свойствами зрения своего сына, которые упорно не хотела признавать официальная медицина. Мальчик с раннего детства видел намного дальше всех, глубже всех, а кроме того, он утверждал, что у радуги не семь, а одиннадцать цветов.

Понятное дело, что его открытия учеными игнорировались, даже, несмотря на активную помощь отца, пытавшегося по своим каналам привлечь внимание научного сообщества.

— Неужели они все ослепли? — Марек уже на протяжении целого месяца фиксировал на краю поля зрения огромное темное пятно, которое неделю назад вышло из пояса астероидов и однозначно двигалось в сторону Марса.

Первоначальную классификацию объекта как астероида пришлось отбросить. Теперь Марек был уверен, что это комета, хотя вместо яркого хвоста, за ней тянулся длинный и темный шлейф какой-то сажи или копоти. Впрочем, иногда он фиксировал и белый дым.

— Опять дежурные отписки! — отец отложил газету в сторону, и передал сыну два больших конверта, полученных на их домашний адрес.

— Нет пророка в своем отечестве! — с грустью изрек Марек, распечатывая ответы из Пулковской обсерватории в России и письмо от чилийских коллег из обсерватории Серро Тололо.

— Что пишут? — отец был рад за сына, но все-таки не ожидал контакта Марека с такими известными мировыми научными центрами.

— Астрономы помогут мне с классификацией и регистрацией объекта — Марек передал письмо отцу.

«Комета Хапалюка! А что, это звучит гордо!» — отец обнял своего вундеркинда за плечи.

— Весь мир молчит, вот что странно отец! — Марек побрел к себе, на мансарду, где стоял его инструмент.

Но затишье было обманчивым, и буквально следующим утром весь мир словно проснулся от спячки и запаниковал. Огромная комета Марека Хапалюка, диаметром не менее трех километров, шла по опасной траектории, угрожая Земле.

«Как это могло случиться? Кто упустил этого монстра?» — вопрошали буквально все мировые агентства, пытаясь найти виновного.

«Скорость кометы Хапалюка ничтожно мала» — пытались вяло оправдываться астрономы. Но им уже никто не верил, все были убеждены, что цивилизация доживает считанные дни.

* * *

Доехав на попутном грузовичке до стадиона «Динамо», Марек спрыгнул с борта и направился в

центр города, так как общественный транспорт перестал функционировать еще две недели назад. Он шел по Минску и не хотел его узнавать, город, словно был в осаде и переживал очередное нашествие врага. Окна мелких магазинчиков были заколочены, а двери были завалены мешками с песком или бетонными блоками, универсамы и более крупные продовольственные магазины охранялись подразделениями внутренних войск. Цены на продовольствие и на товары первой необходимости взлетели в разы. Неделю назад была введена карточная система, зато почти в круглосуточном режиме работали универмаги. Но кому теперь была нужна шикарная мебель или бытовая техника?

Сегодня Марек, как обычно, спешил на площадь Якуба Коласа, где на специально сколоченном постаменте, стоял демонтированный энтузиастами телескоп из бывшей минской обсерватории.

Смеркалось. Группа фанатов поджидала Марека Хапалюка, чтобы получить самую свежую информацию из первых уст. Среди постоянных членов новоявленной минской тусовки, которых он к этому времени уже хорошо знал не только в лицо, но и по именам, сегодня нередко мелькали новые лица, в основном из представителей иностранных информационных агентств. Толпа с уважением

расступалась, уступая ему проход к телескопу.

«Привет, Марек! Скажи нам правду, Хапалюк!» — раздавались со всех сторон приветственные возгласы. Старожилы площади старались запанибратски похлопать его по плечу и немало смущенный этой славой, Марек Хапалюк, скромно опустив голову, шествовал далее, к инструменту.

Забравшись на приставную лестницу, он протер главную линзу телескопа, так как эту операцию он не доверял никому и всегда выполнял сам. За исключением бывшей сотрудницы обсерватории Лидии, которой сегодня почему-то не было на своем боевом посту. Погода для ведения наблюдения выдалась на удивление хорошей, а на вечернем небе появились первые звезды, что было не совсем характерно для центральной части Минска. Видимо полное отсутствие транспорта, и частично остановленная промышленность положительно повлияли на атмосферу в центре города. Передав отработанные салфетки добровольным помощникам, Марек прильнул к окуляру телескопа, а техник-доброволец, придвинул к нему микрофон, чтобы комментарии Хапалюка слышала вся площадь.

Первые пять минут площадь, а вслед за ней и весь цивилизованный мир, затаив дыхание, слушали тишину.

— Это не комета, так кометы не летают!» — он сделал первое заявление, отметив невероятную траекторию перемещения небесного тела.

— А что это, Марек? — почти в один голос заволновалась разноязычная толпа.

— Пока не знаю, но это тело зависло на геостационарной орбите Земли — по его интонации народ понял, что Марек и сам был немало озадачен.

— Господин Хапалюк, а это разве не опасно? — с диким акцентом выкрикнула из толпы корреспондентка Эй-би-си, которая ночевала в своей палатке на площади и благодаря этой маленькой хитрости, ей удавалось почти каждый день подбираться к телескопу практически вплотную. Хотя таких хитрецов на площади было немало, и среди них существовала жесткая конкуренция за место на газоне. К счастью, минчане в своем большинстве иностранных языков не понимали и эта квакающая ругань их мало трогала.

— Объект окутан светлым дымом, но не похоже, чтобы он готовился к атаке — по-английски успокоил Марек настырную журналистку.

Далеко не все поняли, что ей ответил Марек, но по реакции иностранки, толпа уловила некий позитив.

— Скажите, господин Хапалюк, поможет ли

нам коллективная молитва во спасение души, которую сообща сочинили ведущие мировые конфессии? — задал коварный вопрос корреспондент польского таблоидного издания «Факт».

— Очевидно, уже помогла! — Марек с облегчением оторвал глаз от окуляра, а добровольные помощники тут же дали ему попить минеральной водички.

— Что Вы имеете в виду? — не унимался поляк.

— Небесное тело начало движение в сторону Луны! — Марек отказывался верить в то, что видел своими глазами.

— Так оно еще и разумно? — снова заволновалась толпа на площади.

— Что-то вроде того! — тихонько, почти про себя, пробормотал Марек, но звуковая техника разнесла его последние слова далеко за пределы площади. От них, произнесенных шепотом, вздрогнули даже редкие посетители столичного универмага, бесцельно слонявшиеся среди полупустых полок.

— А где оно сейчас? — почти без акцента задал вопрос невысокого роста японец с мечом для харакири за плечами.

— Оно летит, господа! Причем, очень быстро! — Марек встал и решил немного

подразмять конечности. Комментировать полет ему порядком надоело.

Народ мигом почувствовал перемену в настроении Марека. В руках людей появились заготовленные на последний день припасы. Вскоре местами стал слышен задорный смех и звон бокалов, а когда Марек сообщил, что объект исчез на обратной стороне Луны, звукотехник на радости запустил музыку. И понеслась...

Уже через неделю в столице заработали отдельные маршруты общественного транспорта, а месяц спустя, появились и некоторые продукты в магазинах. Правда, цены откатывались назад с превеликим трудом.

* * *

Прошло еще три года.

Наконец, были приостановлены попытки России, США и еще ряда некоторых стран добраться до обратной стороны Луны в поисках разгадки этой таинственной истории. Человечество успокоилось, зажив своей прежней жизнью, забыв и о Мареке Хапалюке.

Марек с красным дипломом окончил БГУ и трудился в одном из академических институтов города Минска в ранге младшего научного сотрудника, не желая больше хватать звезды с неба.

Жил скромно, на одну зарплату.

Однажды ночью Марек проснулся от сильнейшего толчка, потрясшего его сознание и он словно сомнамбула, подошел к своему телескопу.

Это невероятно! Над Луной вновь появилось знакомое тело и ему стало страшно. Небесное тело у него на глазах сбросило оболочку, и он увидел огромную пирамиду. Хапалюк готов был поклясться, что она янтарного цвета. Это гигантское тело периодически меняло оси своего вращения, завораживая блеском желтых граней наблюдателя. Очнувшись, Марек собрался было сделать несколько снимков, но неожиданно пирамида снова нырнула на обратную сторону Луны.

Марек спустился на кухню и плеснул себе в стакан грамм сто коньяка. Он не сразу заметил в углу кухни полупрозрачную фигуру.

— Налей и мне, Хапалюк! — простонала фигура.

— Ты кто? — испугался Марек.

— А разве ты не помнишь? — призрак пристально посмотрел ему в глаза.

— Не помню! — почти простонал Марек.

— Мое имя Дрендела, я бывший пятихрон, твой друг — гость не дождавшись, пока хозяин нальет ему коньяка, отобрал у него бутылку и стакан.

— И кто же ты теперь? — изумился Марек.

— Не знаю, но зато я точно знаю, кто теперь ты! — с этими словами Дрендела допил коньяк и растворился прямо на глазах удивленного Хапалюка.

И тут Марека начало ломать. Абсолютно чужое сознание стало бесцеремонно вторгаться в его сущность. Не прося, а нагло требуя потесниться.

«За что?» — стонал Марек, катаясь по полу кухню, стиснув голову руками.

«А зачем ты украл формулу перехода? За все надо платить, человек! Разве ты не знал об этом? Теперь ты, это я» — угасал в его сознании голос ночного гостя.

Уснул Марек с первыми лучами восходящего солнца, а перед провалом в сон он услышал знакомый голос: «Дрендела! Ты меня слышишь?»

Хапалюк закрыл подушкой голову и сжался в комок. От этого голоса веяло такой силой, что душа Марека попыталась, было спрятаться в пятках, но уже следующая фраза, вернула его к действительности.

«На что ты надеешься, Дрендела?» — продолжал гнуть свою линию невидимый собеседник.

«На Ваш гуманизм, Патриарх!» — дрожал Марек Хапалюк под подушкой.

«Гуманизм!?» — воскликнул тот, которого он только что назвал «Патриархом».

И тогда Марек вспомнил все! Ну, или почти все!

Глава 5. В незапамятные времена

Патриарх всех вирихирдов Палавр стоял на высоком холме и наблюдал, как догорает его летняя резиденция. Как всякий земной вирихирд, он любил смотреть на пламя огня, но сейчас эта необузданная стихия несла в себе смерть и разрушение всему живому на своем пути. Огненная лава двумя мощными потоками сходила с пологих склонов внезапно проснувшегося вулкана и пыталась взять в клещи базу вирихирдов. Первым строением на ее пути и оказалась его резиденция.

По центру долины, упирающейся в морской берег, высилась громада их «Пиринера». Корабль, словно исполинская гора, стоял на побережье и своими размерами почти не уступал вулкану.

«Два, три дня и лава докатится до берега моря» — Патриарх понимал, что вырытый ими ров даст им отсрочку на сутки, и это в лучшем случае.

— Что будем делать, Палавр? — рядом с ним возникла фигура Главного администратора Ириля.

— Собирай Совет, Ириль — Патриарх расправил крылья и взмыл в небо, направляясь к